

МОИ ВСТРЕЧИ С В. Л. КОМАРОВЫМ**Д. П. Воробьев***(Биолого-почвенный институт)*

Впервые с Владимиром Леонтьевичем Комаровым я встретился в 1926 году, когда он возвращался с Тихоокеанского конгресса из Токио. В те годы я был студентом лесного отделения агрономического факультета Дальневосточного государственного университета и работал препаратором в кабинете дендрологии у профессора В. Ф. Овсянникова.

К приезду академика профессор В. Ф. Овсянников распорядился подготовить гербарий наиболее интересных и редких дальневосточных деревьев и кустарников. Я вынул около 20 гербарных листов и разложил их на столе... Вошли наши профессора, преподаватели и среди них академик В. Л. Комаров. Он окинул быстрым взглядом помещение и присутствующих и вдруг радостно заулыбался (как при встрече с близким человеком), вытянул вперед руку, сделал два-три шага в направлении стола и громко воскликнул: «Физокарпус амурензис!» Быстро взял со стола гербарный лист и начал читать этикетку. Затем он поздоровался с присутствующими, и В. Ф. Овсянников представил ему работников кафедры.

Потом В. Л. Комаров просмотрел весь разложенный на столе гербарий.

Через несколько дней В. Л. Комаров выступил перед студентами и преподавателями университета с докладом. Я хорошо запомнил, как на вопрос К. К. Высоцкого о возможности нахождения новых кленов на Дальнем Востоке, он ответил, что это вообще мало вероятно; и если найдется еще клен, то это только будет клен Чоносского и искать его надо где-то в Посыетском районе. Этот клен и был найден впоследствии в заповеднике «Кедровая падь» И. С. Басаргиным. А. И. Пояркова установила, что он достаточно отличается от корейского и назвала его в честь Владимира Леонтьевича—кленом Комарова.

В 1935 году я участвовал в экскурсии с Владимиром Леонтьевичем по Супутинскому заповеднику; он много гербаризировал и, естественно, что не весь гербарий высох к моменту его отъезда. Когда мы предложили досушить его и выслать в Ленинград, Владимир Леонтьевич категорически отказался и заявил, что свои сборы он всегда сам доводит до конца... В этом я и смог убедиться в одну из своих командировок в БИН. Работая в дальневосточном гербарии, я вдруг услышал, что в соседнем отсеке кто-то переставляет лестницу, открывает шкаф и вполголоса говорит: «Да, здесь только два экземпляра—Максимовича и..., а вот мой будет третьим». В. Л. Комаров лично инсерировал свои сборы, «доводил их до конца», клал на вечное хранение в главный гербарий страны.

После 1936 года Владимир Леонтьевич больше не был на Дальнем Востоке. Но каждый раз, когда кто-нибудь из дальневосточных ботаников приезжал в Ленинград, обязательно приглашал к себе.

В один из приездов я узнал, что В. Л. Комаров болен, очень занят и никого не принимает. Я все выжидал подходящего момента, чтобы его навестить. Но вот срок командировки подошел к концу. Позвонил домой Надежде Викторовне Комаровой, но трубку снял сам Владимир Леонтьевич. «А кто это просит Надежду Викторовну? Ах, это Вы, а Владимир Леонтьевич Вам больше не нужен?» Я очень растерялся и не знал, что ответить, но он уже назначил явиться вечером к себе и сказал: «Чтобы впредь этого не было, звонить ко

мне надо по приезде, а не в день отъезда!». Он очень подробно расспрашивал о всех дальневосточниках, помнил даже имена наших детей. Много расспрашивал о распространении и экологии различных видов, причем из самых разных семейств.

Однажды я был у Комаровых вечером на обеде. Кроме меня, у них никого не было. Я передал привезенные с Дальнего Востока письма и образцы дальневосточных вин, изготовленных на Горно-таежной станции. Всего было 4 или 5 бутылок. Одну из бутылок он распечатал и налил всем по рюмке. «А остальные,—сказал,—я спрячу и буду угощать академиков и товарищей с Кавказа, пусть знают, что на Дальнем Востоке можно делать хорошее вино». Обед подходил к концу, когда принесли очередную почту. Почтальона пригласили к письменному столу, куда он и выложил почти все содержимое своей сумки. Надежда Викторовна быстро рассортировала почту. Владимир Леонтьевич начал просматривать журналы и вдруг заметил отложенную пачку в 10—15 писем. Оказалось, что это письма Владимиру Леонтьевичу как депутату Верховного Совета СССР. Он тотчас же их взял, засмеялся и сказал: «Надежда Викторовна все забывает, что депутат я, а не она». Среди почты оказалось 5—6 книг с дарственными надписями, их Владимир Леонтьевич поставил в отдельный шкаф. В этом шкафу было несколько полок с книгами на грузинском, армянском и других языках, которыми академик не владел. Он сказал: «Вот сколько книг, а прочесть не могу, а ведь много и таких, которых на русском языке нет».

В последний раз я был у Владимира Леонтьевича уже в Москве. Он был болен и визит был очень кратким. Начался с расспросов про дальневосточников, но по всему чувствовалось, что Владимир Леонтьевич сильно утомлен и нездоров. Надежда Викторовна все время украдкой показывала на часы. Стали прощаться, но ученый отпустил меня с большим сожалением и взял слово, что в следующий раз я больше торопиться не буду. Но встретиться мне с ним так и не пришлось...

Я видел Владимира Леонтьевича Комарова и в домашней обстановке, и во время приема гостей, и на экскурсии в лесу, и в Гербарии Ботанического института, и в Лектории в Ленинграде, где мне посчастливилось быть на его лекции «В

стране вулканов» (Камчатка),— всюду и везде Владимир Леонтьевич был внимателен к окружающим, постоянно задавал многочисленные, иногда самые неожиданные вопросы, всегда очень много уделял внимания Дальнему Востоку и перспективам его развития.

